

ДЖИФФОРД Т.
ПОЭЗИЯ ДЖУДИТ РАЙТ
И ПОВОРОТ К ПОСТПАСТОРАЛИ

Gifford T.

Jidith Wright's poetry and the turn to the post-pastoral // Australian humanities review / Ed. by Rooney M. and Smith R. – Melbourne, 2010. – Issue 48. – Mode of access:

<http://epress.anu.edu.au/apps/bookworm/view/Australian+Humanities+Review+Issue>

Английский поэт и литературовед, профессор Чичестерского университета (Великобритания) и почетный профессор университета в Аликанте (Испания) Терри Джиффорд, автор книг «Пастораль» (1999), «Эссе о постпасторальной практике» (2006), «Тед Хьюз» (2009) и др.¹, рассматривает творчество австралийской поэтессы Джудит Райт (1915–2000) как феномен экопоэзии, всегда в разных культурах чутко реагировавшей на природные явления и имеющей в западной литературе многовековые традиции, в жанре прежде всего пасторальной поэзии. Современный постколониализм, по словам Т. Джиффорда, нуждается в постпасторальной теории экопоэтики так же, как современный климат нуждается в постколониализме, способном уделить достаточно внимания проблемам окружающей среды. Экологический кризис требует пере-

---

¹ *Gifford T. Pastoral.* – London: Routledge, 1999; *Reconnecting John Muir: Essays in post-pastoral practice.* – Athens: Univ. of Georgia press, 2006; *Hughes T.* – London: Routledge, 2009.

смотра отношения к природе, отказа от эксплуатации людей и земли, приведших к тотальной деградации окружающей среды во многих странах. Для восстановления «диалога» культуры и природы необходим многолетний «экологический план», включающий в себя изучение особенностей культуры и природы, выработку новых ценностных представлений об отношении к земле, к природе с ее органическими формами и процессами.

В этом контексте Т. Джиффорд считает крайне важным изучение «постпасторальной поэзии». Префикс «пост-» здесь не идентичен тому смыслу, в котором он употреблен в слове «постколониальный», ибо применим к творчеству некоторых поэтов даже тогда, когда их творчество по некоторым своим параметрам вписывается в процесс упадка, вырождения пасторали. Префикс «пост-» обозначает здесь уход от «ловушек» пасторали, понимание ее проблем, а также проблем «эксплуатации» человеком природы.

По мнению Т. Джиффорда, в постпасторальных текстах в разной мере присутствуют как минимум шесть вопросов. 1. Может ли наше восхищение природой, ее пейзажами породить у человека смирение? 2. Каковы смыслы и последствия понимания того, что мы – часть творческого или деструктивного процесса? 3. Если человек реагирует на внешнюю природу, может ли он лучше понять себя, лучше поняв природу? 4. Если природа – это культура, то культура – это природа? 5. Как можно человеческое сознание, создающее такой феномен, как совесть, использовать для исцеления нарушенной гармонии наших взаимоотношений с природой, «нашим естественным домом»? 6. Как относиться к представлению о том, что эксплуатация нашей планеты порождение того же типа сознания, что эксплуатация человека человеком?

Т. Джиффорд считает, что в этом контексте новое прочтение стихотворения Джудит Райт «Эвкалипт и национальный характер» прояснит причину, по которой постколониализм нуждается в постпасторальной теории экопоэзии.

Джудит Райт выросла в семейном поместье на северо-востоке Австралии – близ Армидейла, в Новой Англии, что определило ее сохранившуюся на всю жизнь любовь к дикой австралийской природе. Она закончила университет в Сиднее. Путешествие по странам Европы в 1937–1938 гг. укрепило ее политические убеждения: неприятие деспотизма и фашизма, что нашло отражение в ее ранних стихо-

творениях («Поезда», «Новый год, 1943»), вошедших в сборник «Движущийся образ» (1946). За ним последовали: «Женщина мужчине» (1949), «Вход» (1953), «Два огня» (1955), «Птицы» (1963), принесшие Райт признание. В лирике Райт, с ее яркой образностью, эмоциональной глубиной, доверительной поэтической интонацией, гармонично сочетается интерес к окружающему миру, с его тягостными противоречиями, и внимание к сложному миру души, мучительно ищущей смысла сущего. Это особенно характерно для сборников: «Другая половина» (1966), «Живые» (1973), «Четвертый квартет» (1977), «Двуствольное дерево. Избранные стихи 1942–1976» (1978). Дж. Райт – автор сборников рассказов (наиболее известный – «Природа любви», 1966), книг для детей, исследования «Погружаясь в австралийскую поэзию» (1965).

Т. Джиффорд приводит мнение Вероники Брейди в эссе «Джудит Райт и поиск Австралии» о том, что целое поколение австралийцев оценило поэзию Джудит Райт за содержащиеся в ней архетипы воплощения личных и национальных надежд¹. Он отмечает существующую тенденцию толковать творчество Дж. Райт как «колониальную патриотическую» пастораль, что, однако, не нравилось самой поэтессе. Как вспоминает Дженни Кон в недавнем выпуске интернет-журнала «Беседа» («Colloquy»), Райт была «расстроена тем, что ее стихотворения воспринимают просто как идеализацию пасторального прошлого². На взгляд Т. Джиффорда, использование Дж. Кон слова «пастораль» имеет глубокий смысл, так как связывает австралийскую идеализацию поселений колонистов с давней европейской традицией поэзии, изображавшей отношения человека с землей. Неудивительно, что строки известного стихотворения Дж. Райт «Буллоки» прочитывались патриотично: «пророк Моисей возвращает виноград / и плодоносна обетованная земля» – именно как «обетованную землю» Австралию воспринимали колонисты – читатели стихов Райт, особенно в 1946 г., когда стихотворение было опубликовано в первом сборнике ее стихов.

---

¹ Brady V. What are writers for in a destitute time? Judith Wright and the search for Australia // Global-Local. – Melbourne, 2007. – N 3. – P. 14.

² Kohn J. Longing to belong: Judith Wright's poetics of place // Colloquy. – Melbourne, 2006. – N 12. – P. 118. – Mode of access: <http://www.colloquy.monash.edu.au/issue12/kohn.pdf>. Accessed 4 May 2010.

Однако заключительные строки стихотворения, начинающиеся с описания образа возницы повозки, «то мучимого жаждой, то продрогшего от дождя» и ведущие к мотиву «безумия Моисея», придают всему стихотворению ироническую тональность: Буллки видится дорога, по которой идут злые духи и ангелы, он кажется себе путешествующим Моисеем, видит «безумный апокалипсический сон», выкрикивает «молитвы и пророчества», слышит века «мычания скота», отзывающиеся в его воспаленном мозгу. К концу стихотворения новые виноградники выглядят совсем не идиллически: они выросли на костях тех, кто считал себя Моисеями, поселившимися в земле обетованной.

В сущности, это предлагаемое Дж. Кон прочтение стихотворения превращает его, как считает Т. Джиффорд, в антипастораль, вписывающуюся в поэтическую традицию «снижения» пасторали, чем занимался, например, английский поэт Стивен Дак (1705? – 1756) по отношению к А. Поупу. Горечь антипасторальной поэзии превращает иронию в сарказм (например, в стихотворении английского поэта Джорджа Крабба «Деревня», 1783). У Дж. Райт антипасторальная ирония столь тонка, что читатели, которые хотят видеть в Австралии «обетованную землю», могут ошибочно принять ее стихотворение за пастораль.

Но сам термин «антипастораль» кажется Т. Джиффорду неподходящим для стихотворения Райт. Оно «не снижает» пастораль, в нем амбивалентно изображены отношения человека к мечте и его возможности к адаптации в новой среде. «Амбивалентный» – это вообще термин, который критики, пишущие о Дж. Райт, используют очень часто. Основа его, по мнению Т. Джиффорда, – «глубинное» отношение Дж. Райт к колонизации Австралии европейскими поселенцами как к вторжению, нашествию: «Два начала – любовь к земле, на которую мы вторглись, – писала поэтесса, – и вина из-за этого вторжения – стали частью меня»¹. Возможно, на этой основе и возникает термин «постпастораль».

Т. Джиффорд приводит мнение американских критиков Лео Маркса и Лоуренса Бьюэла, считающих излишним этот термин из-за высокой адаптационной способности самого модуса пасторали. По словам Л. Маркса, «новая концепция ненадежности наших от-

---

¹ *Wright J. Born of the conquerors. – Canberra, 1991. – P. 30.*

ношений с природой непременно породит новые версии пасторали»¹. По мнению Л. Бьюэла, несмотря на все «устаревшие условности»², американская пастораль выстояла, «благодаря своей стратегии»³ и «американское пасторальное воображение <...> подготавливает путь экоцентрическому мышлению»⁴. Оба критика указывают на недавнее возрождение в американской литературе темы природы как на расширение американской пасторальной традиции.

С британской точки зрения критика Ф.Р. Ливисом в книге «Новые ориентиры в английской поэзии» (1932) георгианских поэтов, писавших о природе, и известная книга Реймонда Уильямса «Деревня и город» (1975) придали термину «пасторальный» уничижительный, негативный смысл. Именно такой смысл вкладывал Дж. Кон и в термин «пасторальное прошлое». Полезная, на взгляд Т. Джиффорда, попытка Л. Маркса отделить «сложную, комплексную» пастораль от пасторали «сентиментальной» была проигнорирована и в Великобритании и в США.

Сам Т. Джиффорд еще в 1994 г. предложил заменить термин Л. Маркса «сложная, комплексная пастораль» на «постпастораль» для тех текстов, которые не укладываются в определение «идеализированная пастораль» или «критическая антипастораль»⁵. Новый термин добавлял в американское представление об адаптационных возможностях пасторали некоторые дополнительные нюансы (см. шесть вышеупомянутых вопросов), с помощью которых можно распознать тексты, тяготеющие к пасторали прошлого, и тексты, в которых связь с землей проблематична.

Одну из своих главных целей Т. Джиффорд видит в том, чтобы разобраться, насколько в стихотворении Дж. Райт «Эвка-

---

¹ Marx L. Does pastoralism have a future? // *The Pastoral landscape* / Ed. J. Dixon Hunt. – Hanover: UP of New England, 1992. – P. 222.

² Buell L. American pastoral ideology reappraised // *American literary history*. – N.-Y., 1989. – 1.1. – P. 23.

³ Buell L. *The environmental imagination*. – Cambridge: Harvard UP, 1995. – P. 44.

⁴ Buell L. *The future of environmental criticism*. – Oxford: Blackwell, 2005. – P. 145.

⁵ Gifford T. *Gods of Mud: Hughes and the Post-pastoral* // *The challenge of Ted Hughes* / Ed. Sagar K. – London, 1994. – P. 134.

липт и национальный характер» можно найти ответы на его первый, третий и шестой вопросы, возникшие у него в связи с понятием постпасторали. По мнению Дж. Кон, возможно, сама Райт надеялась на то, что читатели смогут отличить пасторальные качества в ее стихотворениях от постпасторальных. Воспевают ли ее стихи пасторальное прошлое на земле или земля рассматривается как место раздоров в результате «вторжения»? И может ли тонкая игра в рамках одного стихотворения выразить всю сложность ситуации? В этом случае можно ли воспевать эвкалипт как национальный символ, избежав при этом крайностей национализма?¹

Все это находит отражение в австралийском контексте стихотворения «Эвкалипт и национальный характер». Импульс к его созданию дало выступление (из него заимствован эпиграф к стихотворению) представителя колониальной администрации – сэра Отто Фрэнкеля в 1974 г. в Канберре на симпозиуме ЮНЕСКО по вопросам человека и ландшафта, в котором эвкалипт назван символом австралийского национального характера и которое своим лицемерием вызывает негодование поэтессы. По словам Фрэнкеля, «вольная небрежность» эвкалипта позволила этому дереву занять особое место в ландшафте и представлении об Австралии.

Дж. Райт пишет об эвкалипте как о дереве, которое имеет причудливую форму: «Изнуренное веками, иссушенное ветрами / оно стало гибким, поджарым, плоть его почти слилась с костью». Стихотворение призывает к смирению, урок которого дает дерево. Явное восхищение Райт выживаемостью дерева ведет к первому

---

¹ У канадцев, как отмечает Т. Джиффорд, таким национальным символом является кленовый лист, у новозеландцев – древесный папоротник. В Британии символом национальной идентичности долго служил дуб. Корнуоллский поэт Джеффри Григсон (1905–1985) указывал на то, что в древности дуб считался священным (*Grigson G. The Englishman's flora. – London, 1958. – P. 250*). Пик почитания дуба в Британии – история Королевского дуба Карла II в 1660 г. и его связь с национальным характером в песне «Сердца дуба», возникшей накануне Наполеоновских войн. Британский писатель-натуралист Ричард Мейби собрал много свидетельств важной роли дуба в британском фольклоре (*Mabey R. Flora Britannica. – London, 1996. – P. 72–77*). Он пишет также в связи с этим о культурологическом значении бука, который слишком своенсен, непредсказуем для того, чтобы назвать его национальным деревом; этого «титула» достоин лишь дуб благодаря своему «величию, силе, долголетию и сопротивляемости» дуба (*Ibid. – P. 72–73*).

качеству, обычно связываемому с постпасторальным текстом. Простое, естественное житнетворчество дерева используется поэтессой для критики общества, склонного к «милитаризму и классовым системам». К смирению именно перед ними и обязывает сэра Фрэнкеля его официальное положение. А его восхищение эвкалиптом можно истолковать как идеализацию в духе классической пасторальной традиции. И неудивительно, на взгляд Т. Джиффорда, то, что некоторые австралийские читатели увидели в стихотворении именно идеализацию эвкалипта. На самом деле достоверность изображения реальных биологических особенностей дерева свидетельствует о том, что Райт отнюдь не идеализирует его.

Австралийка Либб Робин ввела термин «биологическое раболепие» для определения некоторых особенностей австралийской природы. По ее мнению, нечто подобное иногда проявляется «в избыточно патриотической напыщенности и некоторых высказываний об австралийской флоре и фауне, а на этой основе и австралийцах как нации»¹.

В эпиграфе к стихотворению как раз и представлен яркий образец мужской «патриотической напыщенности». Дж. Райт взрывает ее в своем тексте, противопоставляя ей описание дерева в женском роде (она пишет об эвкалипте «she» – она). Цель такого гендерного подхода состоит в том, чтобы связать мужчину, высказывающегося о национальном характере, с негативной стороной представленных в стихотворении оппозиций: природа / культура, дерево / австралийское общество, плодородие/деструктивность, дикость / город. Как заметила австралийская экофеминистка Вэл Пламвуд (1939–2008), известная разработкой радикальной экософии с начала 1970-х годов до конца XX в., антропоморфизм эвкалипта как женщины – единственный способ дать возможность выражения другому – нечеловеку. В. Пламвуд распространяет это даже на камни¹.

---

¹ *Robin L. How a continent created a nation.* – Sydney, 1980. – P. 9.

¹ *Plumwood Val. Journey to the heart of stone // Culture, creativity and environment: New environmentalist criticism* / Ed. Becket F., Gifford T. – Amsterdam, 2007. – P. 17–36.

Так Т. Джиффорд подходит к, на его взгляд, возможно, самой трудной проблеме постпасторали в австралийском контексте: как быть с тем, что эксплуатация нашей планеты порождается тем же складом ума, типом сознания, что и эксплуатация человека человеком? Намек на это в стихотворении Дж. Райт проявляется в ссылках на милитаризм, классовые системы, ананасные плантации, города и «превращение» людей «в махинаторов», что ведет не только к коррупции, но и к бесчестному отношению к земле, к самим себе.

Но где же в стихотворении голос аборигенов, изначальных жителей Австралии? Т. Джиффорд обращает внимание на отсутствие в стихотворении полной информации об эвкалипте. В частности, не упомянуто то, что существует 800 видов эвкалиптов, не говорится о рассказах аборигенов. И тогда исследователь приходит к выводу, что само дерево и есть воплощение образа аборигена. Качества, необходимые эвкалипту для выживания в австралийской экологии, о которых идет речь в стихотворении, – это качества, необходимые людям, чтобы выжить в Австралии. Именно они и свойственны австралийским аборигенам, выжившим и сохранившим «диалог» с землей континента. Конечно, сэр Фрэнкель, упоминая об «австралийском ландшафте», имеет в виду нечто совсем иное. «Свободная небрежность» эвкалипта, о которой он упоминает, – это качество белого австралийца. Фрэнкель помнит лишь о белом поселенце, аборигены для него не существуют. Но они присутствуют в стихотворении Дж. Райт.

Понимание того, что выживаемость эвкалипта – воплощение способности жить в природных условиях австралийского континента было достигнуто прежде всего аборигенной культурой – сообщает стихотворению Райт актуальное звучание в современных условиях «изменения климата». Читателю стихотворения ясно, что изначальная проблема австралийского национального характера превратилась в проблему мирового масштаба, проблему существования человека как вида. Климатические изменения и испытания, переживаемые ныне Австралией, в скором будущем станут типичны для всей планеты. Возможно, нам нужно учиться «асимметричному артистизму» у эвкалипта (как говорится в предпоследней строке стихотворения Дж. Райт), чтобы, прекратив быть «капиталистическими махинаторами», выжить на нашей планете. В стихо-

творении Райт предложено несколько «уроков эвкалипта»: западный путь познания, исключаящий дуализм; приятие климата, иного, чем четыре времени года; артистичный путь интуитивного познания; гибкая система ценностей.

И если рассматривать австралийский опыт как типичный, то стихотворение Райт является провидческим. По мнению Л. Робин, «австралийский опыт в плане отношений с окружающей средой до сих пор еще адекватно не оценен»¹. Райт пишет о способности эвкалипта к любой катастрофе, любой крайности; в этом дереве нет ничего негибкого, симметричного, оно может месяцами ждать цветения в подходящую для этого погоду. С бережной осторожностью, экономной нежностью оно дает семена.

Т.Н. Красавченко

---

¹ *Robin L. How a continent created a nation. – Sydney, 2007. – P. 215.*